

Поэмы Боратынскаго.

Среди произведений Боратынскаго совсѣмъ особое мѣсто занимаютъ его поэмы, представляющія настолько рѣзкія отличія отъ его лирическихъ произведений, что ихъ неудобно разсматривать параллельно съ лирикой. Вмѣстѣ съ тѣмъ поэмы Боратынскаго настолько связаны одна съ другой, что экскурсъ объ нихъ легко выдѣляется изъ одного очерка литературной дѣятельности поэта.

За исключеніемъ первыхъ („Эды“ и „Пировъ“), поэмы Боратынскаго не пользовались большимъ успѣхомъ у современниковъ, и среди потомства осталась скромная слава скорбной музы искренняго поэта-пессимиста, только какъ лирика-пессимиста.

Такой незначительный успѣхъ поэмъ Боратынскаго обуславливался не только тѣмъ, что лучи славы Пушкинскихъ поэмъ затмили скромную поэму Боратынскаго, но и той особой позиціей, тѣмъ особымъ положеніемъ, какое занимали его поэмы въ современной литературѣ. И поэмами своими, равно какъ и лирическими выраженіями эстетически полно и цѣльно пережитой минуты, Боратынскій являлся одинокимъ и какъ будто бы чужимъ своему литературному вѣку, и, тѣмъ не менѣе, въ поэмахъ Боратынскаго, въ такой же степени, какъ и въ лирикѣ, (а можетъ быть и въ большей), найдемъ мы много общихъ точекъ соприкосновенія съ современной жизнью и литературой. Поэмами своими, какъ и лирическими моментами, муза Боратынскаго обладаетъ „необщимъ выраженіемъ“ лица, но не трудно разгадать въ самомъ лицѣ черты, характерныя для поэта 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX вѣка.

Первое и, можетъ быть, наиболѣе существенное отличіе поэмъ Боратынскаго заключается въ томъ, что онѣ, собственно

говоря, и не поэмы. И эту особенность своихъ крупныхъ произведеній сознавалъ ясно и самъ поэтъ и называлъ свои поэмы *повѣстями*. Названіе „поэмъ“ поэтъ оставилъ только за „Воспоминаніями“, „Пирами“ и „Вѣрой и невѣріемъ“; „Телему и Макара“ и „Переселеніе душъ“ Боратынскій назвалъ сказками, наиболѣе же крупныя и законченныя, наиболѣе художественно совершенныя произведенія названы имъ повѣстями: „Эда“ — „финляндская повѣсть“, „Балъ“ — „повѣсть“, „Наложница-Цыганка“ — „повѣсть“. Воспитанный на классическихъ образцахъ, поэтъ живо чувствовалъ существенныя отличія (отличія по существу) родовъ поэтическихъ произведеній, и его дѣленіе поэмъ на 3 части — поэмы, сказки и повѣсти — является неслучайнымъ. Можно спорить съ Боратынскимъ въ его раздѣленіи крупныхъ поэтическихъ произведеній на поэмы, сказки и повѣсти; можно спорить съ тѣмъ, что являются ли поэмы „Воспоминанія“ и „Пиры“ поэмами и пр.; можно спорить и съ самимъ раздѣленіемъ, объясняя его „французскимъ суевѣріемъ“, но наличие трехъ группъ — „Воспоминанія“, „Пиры“ и „Вѣра и невѣріе“, „Телема и Макарь“ и „Переселеніе душъ“, и „Эда“, „Балъ“ и „Наложница-Цыганка“ — очевидно. Независимо отъ того, какъ имъ именовъ называть каждую отдѣльную группу, необходимо различать ихъ групповыя свойства; соотвѣтственно съ этой необходимостью и мы разобьемъ нашъ очеркъ о поэмахъ Боратынскаго на три части, при чемъ главное вниманіе наше будетъ обращено на произведенія Боратынскаго, болѣе законченныя и внутренне-совершенныя, которыя самъ поэтъ назвалъ повѣстями.

Что касается до собственно „поэмъ“, то мы имѣемъ полностью одну поэму — „Пиры“, а остальные двѣ поэмы — „Воспоминанія“ и „Вѣра и невѣріе“ дошли до насъ только въ отрывкахъ, при чемъ отрывокъ „Вѣры и невѣрія“ весьма незначителенъ по размѣру. Судить о цѣломъ, о замыслѣ, по части представляется намъ весьма рискованнымъ, и потому мы можемъ говорить только о данной части и не высказывать догадокъ. „Воспоминанія“ и отрывокъ изъ „Вѣры и невѣрія“ печатались до сихъ поръ въ посмертныхъ изданіяхъ ¹⁾ вмѣстѣ съ другими лирическими стихотвореніями, а не съ поэмами, и ихъ не пытались разсматривать, какъ поэмы. Тѣмъ не менѣе — „Воспоми-

¹⁾ Впрочемъ, э отъ принципа не проведенъ строго въ посмертныхъ изданіяхъ сочиненій Боратынскаго.

нанія“ и „Вѣра и невѣріе“, хотя и отрывки, но отрывки поэмъ, и эти отрывки поэмъ нельзя разсматривать и помѣщать между законченными мелкими лирическими произведеніями.

Какъ можно судить по отрывкамъ первой юношеской поэмы, поэтъ задумывалъ широко свою поэму „Воспоминанія“ по образцу классическихъ французскихъ произведеній, и не только стихъ, но и мысли „Воспоминаній“ въ значительной степени навѣяны современной русской поэзіей, преимущественно — Батюшкова и Жуковского. Можно съ увѣренностью сказать, что 19-лѣтній юноша, поэтъ-дебютантъ, не совладалъ со своимъ замысломъ, и что поэма была напечатана въ отрывкахъ, т. к. поэту не доставало умѣнія для связнаго большого разсказа; первымъ препятствіемъ, которое онъ встрѣтилъ и которое не могъ одолѣть, было: трудность хода въ развитіи дѣйствія, движенія, обусловленная какъ мало подходящимъ для поэмы сюжетомъ, лишеннымъ драматическаго интереса, такъ и бѣдностью поэтическихъ приемовъ поэта, впервые взявшаго въ свои руки лиру.

Начатая черезъ 10 лѣтъ послѣ „Воспоминаній“, поэма „Вѣра и невѣріе“ переноситъ насъ въ другой внутренній міръ поэта. Эта пора Боратынскаго характеризуется тревожнымъ исканіемъ, отразившемся во всѣхъ современныхъ его произведеніяхъ и письмахъ къ И. В. Кирѣевскому. Духовная тревога и исканія отразились на новой поэмѣ, и, будь она закончена, мы имѣли бы наиболѣе полное, быть можетъ, выраженіе тревожной души поэта. Поэтъ въ это время искалъ новыхъ путей жизни, освѣщенныхъ философіей и религіей, и, какъ можно думать на основаніи сохранившагося отрывка „Вѣры и невѣрія“, въ этомъ религіозно-философскомъ освѣщеніи и была задумана поэтомъ его новая поэма, раскрывающая вѣрованія поэта. Вмѣстѣ съ религіозными и философскими исканіями, вмѣстѣ съ исканіемъ новаго жизненнаго содержанія, поэтъ, не удовлетворяясь современными родами поэтическихъ произведеній, неустанно искалъ новой поэтической формы. Одной изъ такихъ попытокъ создать новый родъ поэмы, новую поэму, и былъ замыселъ „Вѣры и невѣрія“. Всякія догадки о развитіи поэмы должны быть оставлены: мы не знаемъ даже о томъ, какіе герои принимаютъ участіе въ ней (въ дошедшемъ отрывкѣ мы имѣемъ только два дѣйствующихъ лица-обобщенія: онъ и она), и какое мѣсто занималъ бы отрывокъ въ цѣлой поэмѣ. Большой интересъ представляетъ тотъ фактъ, что этотъ діалогическій отрывокъ названъ поэтомъ „сценой изъ поэмы“, и это названіе наводитъ

насъ на соображенія и догадки, которыя мы не рѣшаемся высказывать...

Мы не знаемъ, была ли написана полностью поэма „Вѣра и невѣріе“, но намъ представляется, что поэма не могла быть закончена, такъ какъ религіозно-философское содержаніе ея является выраженіемъ не прошлыхъ исканій поэта въ этой области, не итогомъ прошлаго, не „отзывомъ прежнихъ чувствъ и прежнихъ впечатлѣній“, что составляло, по мнѣнію поэта, силу творчества „Фебова сына“, а той духовной тревоги Боратынскаго, которой не суждено было скоро улечься въ его душѣ. Въ исканіи поэтическихъ формъ Боратынскій также стоялъ въ то время на распутьи... Во всякомъ случаѣ, если бы даже и отыскалась полная рукопись „Вѣры и невѣрія“, мы не имѣли бы поэмы, одобренной высшимъ судомъ—судомъ самого поэта, напечатаннаго только небольшую сцену изъ поэмы „Вѣра и невѣріе“.

Итакъ, говоря о поэмахъ Боратынскаго, мы съ полной увѣренностью можемъ высказывать наши сужденія только о „Пирахъ“ — единственной законченной поэмѣ Боратынскаго. „Пиръ“ Боратынскаго были созданы въ 1821 году, т.-е. въ то время, когда, по словамъ барона А. А. Дельвига, „холодъ и суевѣріе французское“ пробивались въ его поэзіи. И „правила французской школы“, которыя поэтъ „всосалъ съ материнскимъ молокомъ“, замѣтно отразились на его шутливой, „описательной поэмѣ“, которую, по ея родству съ французскими и русскими образцами, можно скорѣе назвать посланіемъ къ друзьямъ, чѣмъ поэмой.

Изъ всевозможныхъ произведеній подобнаго рода французскихъ *poésies légères*, повліявшихъ на созданіе „Пировъ“, можно въ особенности указать на поэмку (такого же объема, какъ и „Пиръ“) „Le déjeuner“ Мильвуа, начинающуюся словами:

Mes chers amis, certes, je fais grand cas
Du sage auteur de la gastronomie...

Нельзя забыть также, что подобныя воспѣванія пиршествъ были весьма въ модѣ въ современной русской поэзіи, и вслѣдъ за Батюшковымъ и Пушкинымъ цѣлый рядъ поэтовъ воспѣвалъ дружескія пирушки. И подобно тому, какъ Боратынскій выдѣлялся своей элегіей среди безконечныхъ элегистовъ, у коихъ „душа увянула и сердце отцвѣло“, шутливая описательная поэма его отличалась такой оригинальностью и неподдѣльной живостью и остроуміемъ, что поразила современниковъ—

и рядовыхъ, и такихъ нерядовыхъ, какъ Пушкина, который всегда живо помнилъ „Пиръ“ Боратынскаго. Въ историко-литературномъ комментарий можно указывать на тѣ иностранныя и русскіе источники, въ зависимости отъ которыхъ находился Боратынскій въ періодъ созданія „Пировъ“; можно говорить о рядѣ параллельныхъ мѣстъ въ „Русланъ и Людмилъ“ и въ „Пирахъ“—въ мысляхъ и въ поэтическихъ оборотахъ; можно говорить о зависимости фактуры стиха Боратынскаго отъ Пушкина, но нельзя не признать индивидуальной кисти художника, создавшаго яркую и живописную картину въ игривыхъ стихахъ, бѣгущихъ рѣзвою волной, непринужденно искрящихся и переливающихся и не терпящихъ плѣна. Высшей похвалой для „Пировъ“ можетъ служить память о нихъ Пушкина, засвидѣтельствованная не только отзывами Пушкина, но и нѣкоторыми мѣстами „Евгенія Онѣгина“. Взаимная связь творчества Пушкина и Боратынскаго, можетъ быть, ярче всего сказалась въ „Пирахъ“, связь, свидѣтельствующая объ одинаковыхъ источникахъ, литературныхъ и жизненныхъ, которыми питалось вдохновеніе Пушкина и Боратынскаго.

Воспѣваніе дружескихъ „пирушекъ“ было очень модно, но слѣдующій отрывокъ изъ „Пировъ“ ¹⁾ говоритъ не только о дани современности, но имѣетъ и цѣну автобіографическаго значенія, такъ какъ находитъ себѣ подтвержденіе въ свидѣльствѣ многихъ стихотвореній Дельвига:

Сберемтесь дружеской толпой
 Поцъ мирный кровъ домашней сѣни:
 Ты, вѣрный мнѣ, ты Д[ельвигъ] мой,
 Мой братъ по музамъ и по лѣни;
 Ты, поневолѣ милый льстецъ,
 Очаровательный пѣвецъ
 Любви, свободы и забавы,
 Ты, П[ушкинъ],—вѣтреныи мудрецъ,
 Наперсникъ шалости и славы,—
 Молитву радости запой,
 Запой: сосѣдственныи боги,
 Сатиры, Фавны козлоноги

¹⁾ Какъ этотъ, такъ и слѣдующіе отрывки приведены нами въ томъ чтеніи, которое было забыто послѣдующими издателями и изслѣдователями, и которое возстановлено нами во II томѣ сочиненій Боратынскаго, изд. „Академической бібліотеки русскихъ писателей“, имѣющемъ выйти въ свѣтъ въ самомъ скоромъ времени.

Сбѣгутся слушать голосъ твой,
 Пѣвца внимательно обстануть
 И, гимнъ веселый затвердивъ,
 Имъ оглашать наперерывъ
 Мои дѣла не перестануть.
 Вы всѣ, дѣлившіе со мной
 И наслажденья, и мечтанья,—
 О, поспѣшите въ домикъ мой
 Упиться радостью свиданья!
 Толпой соберитесь опять
 Шумѣть за чашей круговою,
 Былое время вспоминать
 И философствовать со мною.

Любопытно, что поэтъ призываетъ „подъ мирный кровъ“ Пушкина и Дельвига—поэтовъ, которыхъ Боратынскій особенно выдѣлялъ среди всѣхъ своихъ друзей—поэтовъ.

Замѣтимъ, что, несмотря на всю удачу „Пировъ“, Боратынскій болѣе не возвращался къ подобнаго рода поэмамъ, и „Пиръ“ остался единственнымъ памятникомъ шутливой поэмы; въ то же время „Пиръ“, которые можно назвать съ натяжкой „поэмой“, являются и *единственной поэмой* Боратынскаго, т. е. остальные поэмы—„Воспоминанія“ и „Вѣра и невѣріе“—остались, какъ мы видѣли, несовершенными.

Изъ „сказокъ“, написанныхъ Боратынскимъ, наибольшій интересъ представляетъ вторая его сказка—„Переселеніе душъ“, такъ какъ первая—„Телема и Макаръ“, ничто иное, какъ почти буквальный переводъ сказки Вольтера „Théléme et Masage“. Боратынскій пытался, повидимому, приблизить сказку Вольтера къ условіямъ русской жизни, но такое приуроченіе не пошло дальше замѣны двора—„Царскимъ селомъ“.

Гораздо любопытнѣе другая сказка „Переселеніе душъ“—„первый плодъ мечты игривой, новой жизни первый плодъ“. „Переселеніе душъ“ было первымъ крупнымъ произведеніемъ въ „новой жизни“ поэта, оставившаго въ 1826 году военную службу и нашедшаго себѣ „подругу вѣрную“—Н. Л. Энгельгардтъ. Въ „эпilogъ“ сказки поэтъ посвящаетъ свой „трудъ непринужденный“ вѣрной подругѣ, прояснившей жизнь поэта, и такими словами характеризуетъ свою сказку:

Веселой музой вдохновенный,
Веселый вздоръ болтаю я.

„Веселый вздоръ“ Боратынскаго, фантастическій сюжетъ „Переселенія душъ“ былъ очень въ духѣ романтической фантастики, и въ этомъ смыслѣ сказку Боратынскаго можно разсматривать, какъ дань своему времени и своему учителю—Жуковскому. За „веселымъ вздоромъ“ сказки можно увидѣть однако и болѣе глубокія мысли поэта, задумавшагося надъ враждою чувствъ между собою. Жестокій случай, связывающій людей не столько посредствомъ душъ, сколько „ртами“ и „подбородками“, внушилъ бы въ другое время „тяжелому вдохновенію“ печальной души поэта иное заключеніе, гораздо менѣе отрадное, чѣмъ то, которое онъ вывелъ изъ переселенія душъ царевны и пастушки:

Что жъ? о счастья прямомъ
Провѣдать людямъ неудобно;
Мы знаемъ, свойственно ему
Любить хранительную тьму,
И драгоцѣнное подобно
Въ томъ драгоцѣнному всему.
Гдѣ искрометные рубины,
Гдѣ перлы свѣтлые нашли?—
Въ глубокихъ пропастяхъ земли,
На темномъ днѣ морской пучины.
А что съ Царевною моею?
Она съ плотнѣйшимъ изъ князей
Великолѣпно обвѣнчалась.
Онъ съ нею ладно жилъ, хотя
Въ иное время не шутя
Его супруга завиралась,
И даже, подъ сердитый часъ,
Она, возвыся бойкій гласъ,
Совсѣмъ ругательски ругалась:
Онъ не ропталъ на то ничуть,
Любилъ житье-бытье простое,
И самъ, гдѣ надо, завернуть
Не забывалъ словцо лихое.
По-своему до позднихъ дней
Душою въ душу жилъ онъ съ ней.

Что касается до способа передачи сказки—языка и стиха— „Переселеніе душъ“ отличается большимъ разнообразіемъ и

богатствомъ всевозможныхъ оттѣнковъ. Роскошною красочностью стиха и нѣкоторою приподнятостью тона вѣетъ отъ слѣдующихъ строкъ:

Какъ будто къ празднику большому,
Ея чертоги убраны:
Вездѣ легли ковры богаты,
И дорогіе ароматы
Во всѣхъ кадилахъ возжены;
Всѣ водометы пущены;
Блистаютъ рѣдкими цвѣтами
Ряды узорчатыхъ кошницъ,
И полонъ воздухъ голосами
Иноземельныхъ, чудныхъ птицъ.
Все нѣгой сладостною дышетъ,
Все дивной роскошю пышетъ.

И эта сладостная нѣга и дивная роскошь чередуется съ шутками, съ просторѣчіемъ, съ эпиграмматическимъ направлениемъ. Описавъ „красотъ подсолнечныхъ алмазъ“—молодую царевну,—„любовь души, веселье глазъ“, которая была „челомъ бѣлѣ лилій Нила, коралла пышнаго морей устами свѣжими алѣй, ясиѣ дневнаго свѣтила улыбкой ясною своею“, поэтъ говоритъ, что она:

Къ своимъ высокимъ женихамъ
Вниманье вовсе прекратила
*И, кромѣ колкихъ тираммъ,
Имъ ничею не юворила.*

О „вѣщемъ толкователѣ Изиды“, столѣтнемъ магѣ, поэтъ рассказываетъ въ такомъ тонѣ:

На то и жилъ почтенный дядя;
Отвергнувъ міра суету,
Не пилъ, не ѣлъ, не спалъ онъ, глядя
Въ глаза священному коту...

Эта гибкость языка и стиха, разнообразіе оттѣнковъ тона для передачи соответствующихъ оттѣнковъ мысли была въ большой степени достигнута въ „Переселеніи душъ“, и этой гибкостью рѣчи вполне воспользуется Боратынскій, какъ мы увидимъ, въ послѣдней своей поэмѣ—въ повѣсти „Наложница“.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ крупнымъ произведеніямъ Боратынскаго, которыя поэтъ называлъ повѣстями, и въ которыхъ наиболѣе ярко выражалась сильная индивидуальность поэта. „Эда“, „Балъ“ и „Наложница-Цыганка“ представляютъ собой попытки создать новый родъ поэмы, независимой отъ существовавшихъ образцовъ. Поэтъ индивидуалистъ въ лирикѣ, для котораго досадно было всякое повтореніе, всякое подражаніе, и въ поэмахъ своихъ хотѣлъ итти своимъ путемъ, не подчиняясь такимъ образцамъ, которымъ трудно было не подчиниться, и отъ вліянія которыхъ нужно было сознательно отгородиться для того, чтобы незамѣтно, безсознательно, не перейти въ ихъ колею. И, чтобы не подпасть вліянію Пушкина и Байрона, надо было сознать направленіе своего пути, какъ иное, отличное отъ нихъ. И въ предисловіи къ первой своей повѣсти „Эда“ Боратынскій пишетъ, что „онъ не принялъ лирическаго тона въ своей повѣсти, не осмѣливаясь вступить въ состязаніе съ пѣвцомъ Кавказскаго Плѣнника и Бахчисарайскаго Фонтана. Поэмы Пушкина не кажутся ему бездѣлками. Нѣсколько лѣтъ занимаясь поэзіей, онъ замѣтилъ, что подобныя бездѣлки принадлежатъ великому дарованію, и слѣдовать за Пушкинымъ ему показалось труднѣе и отважнѣе, нежели итти новою, собственною дорогою. Въ чемъ же заключается, какова же намѣченная поэтомъ его „новая собственная дорога“?

На первыхъ порахъ, въ предисловіи къ „Эдѣ“, поэтъ увидѣлъ ее въ „обыкновенности“ хода повѣсти, въ обиліи „мелочныхъ подробностей“; и тутъ же поэтъ высказываетъ свое вѣрованіе: „въ поэзиі двѣ противоположныя дороги приводятъ почти къ той же цѣли: очень необыкновенное и очень простое, равно поражая умъ и равно занимая воображеніе“. И Боратынскому кажется, что онъ написалъ совершенно „простую“ повѣсть, состоящую изъ „мелочныхъ подробностей“...

Не будемъ разсматривать сейчасъ, насколько его финляндская повѣсть „Эда“ является дѣйствительно „простой, состоящей изъ мелочныхъ подробностей“, реалистической повѣстью, но, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что „новая собственная дорога“, по которой хотѣлъ итти Боратынскій въ своихъ поэмахъ, оказалась реалистической повѣстью, которою онъ и хотѣлъ отмежеваться отъ вліянія романтической поэмы Байрона и Пушкина. Еще яснѣе выразилъ Боратынскій свои взгляды на поэму-повѣсть въ предисловіи къ своей послѣдней повѣсти „Наложница“. Въ этомъ предисловіи поэтъ не столько защищаетъ нравственность произведеній съ рискованнымъ, какъ

будто въ нравственномъ смыслѣ, сюжетомъ, сколько оправдываетъ реалистическую повѣсть и нравственную пользу, приносимую реалистическими произведеніями. Существенной чертой поэтическихъ произведеній Боратынскій считаетъ „истину показаній“, игнорируя „прекрасное“: поэтъ хотя и соглашается, что въ литературѣ „можно искать и прекрасное“, „но прекрасное не для всѣхъ“, и потому „читайте же романъ, трагедію-поэму, какъ вы читаете *путешествіе*“. И въ слѣдующихъ строкахъ поэтъ развиваетъ свою мысль о необходимости реалистическаго метода въ искусствѣ:

„Странствователь описываетъ вамъ и веселый югъ, и суровый сѣверъ, и горы, покрытыя вѣчными льдами, и смѣющіяся долины, и рѣки прозрачныя, и болота, поросшія тиною, и цѣлебныя, и ядовитыя растенія. Романисты, поэты изображаютъ добродѣтели и пороки, ими замѣченныя, злыя и добрыя побужденія, управляющія человѣческими дѣйствіями. Ищите въ нихъ того же, что въ путешественникахъ, въ географахъ: извѣстій о любопытныхъ вамъ предметахъ; требуйте отъ нихъ того же, чего отъ ученыхъ: истины показаній.

Читайте землеописателей, и, не выходя изъ вашего дома, вы будете имѣть понятіе объ отдаленныхъ, разнообразныхъ краяхъ, которыхъ вамъ, можетъ быть, не случится увидѣть собственными глазами. Читайте романистовъ, поэтовъ, и вы узнаете страсти, вами или не вполне или совсѣмъ не испытанныя, нравы, выраженія которыхъ, можетъ быть, вы бы сами не замѣтили; узнаете положенія, въ которыхъ вы не находились; обогатитесь мыслями, впечатлѣніями, которыхъ вы безъ того бы не имѣли; приобщите къ опытамъ вашимъ опыты всѣхъ прочтенныхъ вами писателей и бытіемъ ихъ пополните ваше“.

Боратынскій своей новой реалистической повѣстью какъ будто былъ независимъ отъ своего времени; однако и эта реалистическая повѣсть была тѣсно связана съ временемъ, и тѣ же литературныя потребности, которыя обусловили созданіе повѣстей Боратынскаго, вызвали къ жизни такія произведенія Пушкина, какъ „Графъ Нулинъ“ и „Домикъ въ Коломнѣ“. Независимость отъ литературныхъ образцовъ и оригинальность повѣстей Боратынскаго несомнѣнна, но несомнѣнно въ то же время, что повѣсти Боратынскаго зависѣли отъ господствовавшего романтическаго направленія съ его двумя тенденціями—идеалистической и реалистической. Послѣдняя тенденція романтизма—реалистическая уже ясно обнаружилась въ 30-хъ годахъ и привела къ созданію реалистической повѣсти; этой тенденціи подчинился и Боратынскій, но создавалъ свои реали-

стическія поэмы тогда, когда еще мало замѣтно пробивалась реалистическая струя.

Еще замаскированное, неясное признаніе реализма въ предисловіи къ „Эдѣ“ получило свое развитіе въ предисловіи къ „Наложницѣ“, въ которомъ реализмъ является торжествующимъ. Сравнивъ въ хронологическомъ порядкѣ поэмы Боратынскаго „Эда“, „Баль“ и „Наложница“, можно съ увѣренностью вывести заключеніе о „новой, собственной дорогѣ“ Боратынскаго, о пути, по которому онъ пошелъ.

Путь Боратынскаго въ его поэмахъ или повѣстяхъ—*путь отъ идеализма къ реализму*, и своимъ путемъ Боратынскій часто совпадалъ съ общимъ ходомъ русской литературы, то подчиняясь литературнымъ традиціямъ, то опережая свой литературный вѣкъ.

Наиболѣе идеалистическо-романтической поэмой является первая его „финляндская повѣсть“—„Эда“. Несмотря на то, что въ предисловіи своемъ поэтъ говоритъ о новомъ, независимомъ отъ Пушкина и романтической поэмы, пути, по которому онъ пойдетъ въ своей повѣсти, въ „Эдѣ“ обнаруживается несомнѣнная зависимость отъ байроническо-романтической поэмы.

Заявивъ въ предисловіи, что „онъ не принялъ лирическаго тона въ своей повѣсти“, въ развитіи самой повѣсти Боратынскій не могъ отказаться отъ него, и выраженіе грустнаго лирическаго чувства поэта поминутно прерываетъ спокойный рассказъ, создавая музыкально-идеалистическо-романтическое освѣщеніе, въ которомъ доминируетъ задумчиво-грустный тонъ и въ которомъ отражается душа поэта, не безучастная къ душевному горю „своей“ Эды:

...И отвращенное дотоль
Лице тихонько обратила
Къ нему бѣдняжка.

О злодѣй!

Съ какою медленностью томной,
И между тѣмъ какъ будто скромной,
Напечатлѣть умѣлъ онъ ей
Свой поцѣлуй! Какое чувство
Ей въ грудь младую влилъ онъ имъ!
И лобызаніемъ такимъ
Владѣеть хладное искусство!
*Ахъ, Эда, Эда, для чего
Такое долное миновенье*

Во влажномъ пламени ея
 Пила ты страстное забвенье?
 Полна съ поры мятежной сей
 Желанья смутнаго заботой,
 Ты освѣжительной дремотой
 Ужъ не сомкнешь своихъ очей;
 Слетять на ложе сновидѣнья,
 Тебѣ безвѣстныя досель,
 Иль долго жаркая постель
 Тебѣ не дастъ успокоенья.
 На камняхъ розовыхъ твоихъ
 Весна игриво засвѣтлѣла,
 И ярко зеленъ мохъ на нихъ,
 И птичка весело запѣла,
 И по гранитному одру
 Свѣтло бѣжитъ ручей серебристый,
 И лѣсъ прохлагою душистой
 Съ востока вѣетъ по утру;
 Тамъ за горою долъ таится,
 Уже цвѣты пестрѣютъ тамъ;
 Уже черемухъ оиміамъ
 Тамъ въ чистомъ воздухѣ струится:
 Своею нѣгою страшна
 Тебѣ волшебная весна.
Не слушай птички сладколасной!
Отъ сна возставшая, съ крыльца
Къ прохладѣ утренней миа
Не обращай и въ долъ прекрасной
Не пригоди, а сверхъ сею
Бѣги гусара твоего!

И вся повѣсть написана въ такомъ элегическомъ тонѣ, иногда съ отдаленно-сентиментальными оттѣнками, и нельзя не увидѣть въ лирическомъ тонѣ Боратынскаго родственнаго съ тономъ Жуковскаго. Гармонируетъ съ этимъ тономъ и заключеніе „реалистической повѣсти (?“:

Кладбище есть. Тѣснятся тамъ
 Къ холмамъ холмы, кресты къ крестамъ,
 Однообразныя для взгляда;
 Ихъ (межъ кустами чуть видна,
 Изъ круглыхъ камней сложена)
 Обходить низкая ограда.

Лежить уже давно за ней
 Могила дѣвицы моей.
 Кто, кто теперь ее отыщетъ,
 Кто съ нѣжной грустью навѣститъ?
 Кругомъ все пусто, все молчить;
 Порою только вѣтеръ свищетъ
 И можжевельникъ шевелить.

Въ связи съ общимъ идеалистическимъ освѣщеніемъ поэмы, созданіе характеровъ въ „Эдѣ“ отличается такъ же, если такъ можно выразиться, идеалистической манерой.

Передъ нами, на фонѣ финляндской жизни, дѣйствуютъ два „героя“: онъ—гусарь-соблазнитель—и она жертва гусара, простая финляндская дѣвушка. Немного знаемъ мы о „злодѣѣ“ гусарѣ, характеръ котораго не развитъ широко: Боратынскій сильно сгущаетъ краски, когда говоритъ о „коварномъ искусительствѣ“ гусара, и читатели поэмы вмѣстѣ съ авторомъ восклицаютъ— „о злодѣй!“, но образъ самого злодѣя, еще болѣе неопредѣленный, чѣмъ образъ Кавказскаго плѣнника (которымъ онъ, быть можетъ, навѣянь), остается неяснымъ. Болѣе развитъ образъ Эды, которой поэтъ даетъ такую характеристику:

Нежданный цвѣтъ въ пустынѣ той,
 Отца простого дочь простая,
 Красой лица, души красой
 Блестала Эда молодая.
 Прекраснѣй не было въ горахъ:
 Румянецъ нѣжный на щекахъ.
 Летучій станъ, власы златые
 Въ небрежныхъ кольцахъ по плечамъ,
 И очи блѣдно-голубыя,
 Подобно Финскимъ небесамъ,
 Готовность къ чувству въ сердцѣ чистомъ,—
 Вотъ Эда вамъ!

По мѣрѣ развитія поэмы авторъ все болѣе и болѣе уясняетъ эту характеристику, и въ концѣ „повѣсти“ читатель имѣетъ вполне опредѣленный образъ, привлекающій его симпатіи (какъ онъ привлекъ и симпатіи автора, который говоритъ объ Эдѣ — „моя“), но идеализація героини не подлежитъ сомнѣнію: невинность, чистота, ясность души, чувствительность (готовность къ чувству)—вотъ та краса души, какой „блестала Эда молодая“.

Такъ Пушкинъ, идеализируя, создавалъ свою черкешенку въ „Кавказскомъ Плънникѣ“, Марію въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“, Марію въ „Полтавѣ“, такъ Байронъ создавалъ свои прекрасные женскіе образы...

„Что-жъ чухонка Боратынскаго? я жду“—писалъ Пушкинъ брату, но когда прочелъ „Эду“, долженъ былъ измѣнить неподходящее выраженіе: героиню реалистической повѣсти Боратынскаго можно еще назвать „чухоночкой“ (какъ Пушкинъ и называлъ ее въ своей эпиграммѣ), но ни въ коемъ случаѣ не „чухонкой“, названіемъ, рѣзко дисгармонирующимъ съ созданнымъ Боратынскимъ идеальнымъ образомъ.

Впослѣдствіи этотъ идеалистическій тонъ будетъ ослабляться, уступая свое мѣсто реалистическому изображенію характеровъ; героиню послѣдней повѣсти Боратынскаго можно назвать цыганкой; но въ Эдѣ идеализмъ является преобладающимъ и свидѣтельствуется о сильномъ и прямомъ воздѣйствіи романтизма, отъ котораго поэтъ хотѣлъ, но не могъ отмежеваться. Подобно тому, какъ можно найти общее въ развитіи характеровъ и родственное въ самихъ характерахъ Кавказскаго Плънника и гусара, черкешенки и Эды, общее найдемъ мы и въ темѣ „Кавказскаго Плънника“ и „Эды“. Боратынскій совершенно оригинально и своеобразно развиваетъ „Эду“, но канва поэмы—обольщеніе злодѣя-эгоиста невинной и чистой дѣвушки, которая платитъ жизнью за доврчивую готовность къ чувству—близка къ канвѣ „Кавказскаго Плънника“ и, слѣдовательно, принадлежитъ къ числу ходячихъ темъ романтической поэмы того времени.

Зависимость „Эды“ отъ романтической поэмы еще въ большей степени сказалась въ новомъ, творческомъ принципѣ романтической школы: въ соблюденіи мѣстнаго колорита въ извѣстномъ *сoupleur local*, которымъ окрашивалась поэма. Рядомъ съ кавказскимъ колоритомъ „Кавказскаго Плънника“, съ крымскимъ, съ колоритомъ „Тавриды“—„Бахчисарайскаго Фонтана“, съ цыганскимъ—„Цыганъ“—должна быть поставлена и „финляндская“ повѣсть „Эда“. Общее у „Эды“ съ „Кавказскимъ Плънникомъ“ и другими романтическими произведеніями сказалось и въ томъ, что мѣстный бытъ оставался въ тѣни, главное же вниманіе поэта-живописца было обращено на природу, на фонѣ которой и развивается дѣйствіе поэмы. И въ „Эдѣ“ финляндская жизнь, бытъ съ его мѣстнымъ колоритомъ, почти отсутствуетъ, представленный едва замѣтно однимъ—другимъ штрихомъ, но финляндская природа написана такими живыми

красками, съ такимъ богатствомъ сочетаній и разнообразіемъ оттѣнковъ, что одной своей „Эдой“ поэтъ заслуживалъ имя лучшаго пѣвца Финляндіи и заставлялъ забывать о своемъ учителѣ, первомъ пѣвцѣ Финляндіи—Батюшковѣ.

Зависимость Боратынскаго отъ романтической поэмы несомнѣнна, и первая его повѣсть была, конечно, въ большей степени идеалистической, нежели романтической, но такъ же несомнѣнно, что Боратынскій былъ вполне оригиналенъ, и что обиліе мелочныхъ подробностей и жизненная правдивость давали тѣнь подобія реалистической повѣсти. На вѣковомъ отдаленіи, послѣ триумфальнаго шествія реализма въ русской литературѣ, мы болѣе замѣчаемъ идеалистическо-романтическую струю „Эды“, то, что сближало ее съ современными романтическими произведеніями, современники же поэта болѣе выдѣляли новое, реалистическое въ повѣсти Боратынскаго. Такъ понялъ „Эду“ и А. И. Тургеневъ, который, сдѣлавъ въ письмѣ къ князю Вяземскому большую выписку изъ „Эды“, прибавляетъ: „Кто изъ насъ, тяжелѣе или легче, не вздохнетъ съ грустнымъ воспоминаніемъ и съ укоромъ совѣсти при этомъ окончаніи! Оно мнѣ нравится, ибо я нахожу въ немъ *быль*, а не сказку“...

Дальнѣйшимъ шагомъ Боратынскаго отъ идеализма къ реализму была его вторая повѣсть въ стихахъ—„Балъ“, вышедшая въ свѣтъ (въ 1827 году) вмѣстѣ съ „Графомъ Нулинымъ“ Пушкина.

„Балъ“, какъ было отмѣчено и наиболее чуткой современной критикой (Кирѣевскимъ), не отличается тѣмъ лирическимъ единствомъ и увлекательностью, которыя придавали неизъяснимое и трогательное очарованіе первой повѣсти Боратынскаго. Грустный тонъ „Эды“ производилъ удивительное впечатлѣніе своей дѣятельностью и однимъ настроеніемъ, проникавшимъ всю повѣсть, но свидѣтельствовалъ о сравнительной бѣдности красокъ поэта, ихъ монотонности въ концѣ концовъ и создавалъ изъ „Эды“ лирическую повѣсть. „Балъ“ не обладаетъ такимъ лирическимъ характеромъ, поэтъ рѣдко выказываетъ свое отношеніе къ героямъ, предоставляя имъ свободно говорить за себя, и въ этомъ отношеніи „Балъ“ болѣе приближается къ реалистической повѣсти. Въ то же время „Балъ“ гораздо богаче разнообразіемъ тоновъ и красочностью отдѣльныхъ частей и картинъ, подчиненныхъ общей гармоніей. Совершенствующійся стихъ Боратынскаго, полный музыкальнаго чувства, роскошной нѣги и поэтической опредѣленности, наглядности, рѣзко вы-

черчиваетъ эти отдѣльныя картины, поражавшія читателей современниковъ. Таковы описанія бальнаго вечера, героини, стоящей передъ трюмо и собирающейся на балъ, ночи у Нины въ спальнѣ, смерти Нины. Напомнимъ эти отрывки читателю, чтобы подтвердить нашу мысль о тональномъ разнообразіи роскошною кистью написанныхъ картинъ, съ рѣзко вычерченными и проступающими контурами. Балъ въ высшемъ Московскомъ свѣтѣ:

Глухая полночь. Строемъ длиннымъ.
 Осеребренная луной,
 Стоять кареты на Тверской
 Предъ домомъ пышнымъ и стариннымъ.
 Пылаютъ тысячу огней
 Обширный залъ; съ высокихъ хоровъ
 Гудятъ смычки; толпа гостей,
 Съ приличной важностью взоровъ,
 Въ чепцахъ узорныхъ, вычурныхъ,
 Рядъ нестрой барынь пожилыхъ
 Сидитъ. Причудницы отъ скуки
 То поправляютъ свой нарядъ,
 То на толпу, сложивши руки,
 Съ тупымъ вниманіемъ глядятъ.
 Кружатся дамы молодья,
 Не чувствуютъ себя самихъ;
 Драгими камнями у нихъ
 Горятъ уборы головные;
 По ихъ плечамъ полунагимъ
 Златые локоны летаютъ;
 Одежды, легкія, какъ дымъ,
 Ихъ легкой станъ обозначаютъ...

Особенно сильное впечатлѣніе на современниковъ произвело описаніе княгини передъ трюмо:

Ужъ газъ на ней, струясь, блистаетъ;
 Роскошно, сладостно очамъ
 Рисуетъ грудь, потомъ къ ногамъ
 Съ гирляндой яркой упадетъ.
 Алмазъ мелькающихъ серегъ
 Горитъ за черными кудрями;
 Жемчугъ чело ея облекъ
 И, межъ обильными косами
 Рукой искусной пропущонъ,

То видимъ, то невидимъ онъ.
 Надъ головою перья вѣютъ:
 По томной прихоти своей,
 То ей лице они лелѣютъ
 То дремлютъ въ локонахъ у ней.
 Межъ тѣмъ (къ какому разрушенью
 Ведеть сердечная гроза!)
 Ея потухшіе глаза
 Окружены широкой тѣнью,
 И на щекахъ румянца нѣтъ!
 Чуть виденъ въ образѣ прекрасномъ
 Красы бывалой слабый слѣдъ!
 Въ стеклѣ живомъ и безпристрастномъ
 Княгиня бѣдная моя...

Княгинѣ стало дурно на балу, и она вернулась домой „глухою ночью“—

У Нины въ спальней,
 Лѣниво споря съ темнотой,
 Передъ иконой золотой
 Лампада точить свѣтъ печальной.
 То пропадетъ во мракъ онъ,
 То заиграетъ на окладѣ;
 Кругомъ глубокій, смертный сонъ!
 Межъ тѣмъ въ блистательномъ нарядѣ,
 Въ богатыхъ перьяхъ, жемчугахъ,
 Съ румянцемъ страннымъ на щекахъ,
 Ты-ль это, Нина, мною зрима?
 Въ переливающейся мглѣ
 Зачѣмъ сидишь ты недвижима,
 Съ недвижной думой на челѣ?
 Дверь заскрипѣла: слышитъ ухо
 Походку чью-то на полу;
 Передъ иконою, въ углу,
 Сталь и закашлялъ кто-то глухо.
 Вотъ чья-то дряхлая рука
 Изъ тьмы къ лампадѣ потянулась...

Но если въ приведенныхъ нами отрывкахъ замѣтны еще какое-то музыкально живописное роскошество и нѣкоторая истинно-художественная, романтическая приподнятость тона, то въ другихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ чисто реалистическія и натуралистическія описанія, и, среди поэтической нѣги,

такія натуралистическія описанія еще рѣзче выдѣляются и говорятъ о новой манерѣ художника. Такова мертвая княгиня, къ рукѣ которой ея сѣдая мамушка

Устами ветхими прильнула:
 Рука ледяно-холодна.
 Въ лице ей съ трепетомъ взглянула:
 На немъ поспѣшный смерти ходъ;
 Глаза распухли, въ пѣни ротъ..

И поэтъ въ своей повѣсти широко пользуется всѣми тонами, которые способны произвести краски его палитры, вводя въ свою повѣсть художественно воссоздаваемую реальную обстановку и, не пренебрегая никакими средствами языка, смѣшивая поэтическія описанія съ прозою жизни, говорить о „желудочной тоскѣ“ поэта, скропавшаго на смерть княгини стихки, о князѣ, который характеризуется всего двумя стихами:

Мужъ, не весьма сантиментальный,
 Сморкаясь громко, входитъ князь.

Не вводя въ нашъ очеркъ элемента оцѣнки, замѣтимъ только, что описанія „Бала“ гораздо богаче (не говоримъ—выше) и разнообразнѣе „Эды“: „Эда“, въ сравненіи съ „Баломъ“, представляется идилліей или, лучше сказать, элегіей, происходящей на лонѣ природы, тогда какъ въ „Балѣ“ поэтъ перенесъ человѣческую трагедію въ житейскую обстановку и тѣмъ самымъ сообщилъ этой трагедіи большую жизненную (не говоримъ—художественную) убѣдительность.

Особенно большое развитіе Боратынскаго на пути отъ идеализма къ реализму мы находимъ въ изображеніи характеровъ, и въ этомъ отношеніи независимо и оригинально развивавшійся поэтъ шелъ рука объ руку со своимъ литературнымъ вѣкомъ, создавшимъ сложный образъ Евгенія Онѣгина, имѣющій много родственно-общаго съ героями Боратынскаго въ „Балѣ“ и въ „Наложницѣ“.

Параллельно съ развитіемъ драматическаго хода повѣсти шло у Боратынскаго и развитіе драматическихъ характеровъ героевъ. Цѣльные и простые, художественные образы—тѣни Гусара и Эды оказались несостоятельными передъ лицомъ жизненной правды. Пять лѣтъ спустя послѣ созданія „Бала“, въ „предисловіи“ къ „Наложницѣ“, Боратынскій говорилъ, что „характеры смѣшанные одни естественны“, но и въ повѣсти

„Балъ“ поэтъ уже пытался создать болѣе сложные и болѣе естественные смѣшанные характеры.

И на фонѣ обстановки высшаго московскаго свѣта Боратынскій создаетъ два смѣшанныхъ характера: княгини Нины и Арсенія. Для образа Нины поэтъ взялъ натуру (быть можетъ впервые)—графиню А. Ѳ. Закревскую,—которая хоть и была пересоздана живымъ воображеніемъ поэта, но замѣтно сказалась въ повѣсти. Гораздо сложнѣе происхождение героя—Арсенія: при всемъ отличіи своемъ отъ Онѣгина, Арсеній имѣетъ съ нимъ много родственно-общаго, и эта родственность должна объясняться общими литературными и жизненными источниками. Не слѣдуетъ однако преувеличивать общности Арсенія и Онѣгина.

Еще въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ Пушкинъ хотѣлъ образомъ своего героя передать ту неудовлетворенность и преждевременную старость души, которая являлась своего рода болѣзью вѣка, торопившагося и жить и чувствовать. По той же канвѣ жизни созданы и Онѣгинъ, и Арсеній. Но эта жизненная канва давала большой просторъ художественному воображенію и мастерству поэта, и только съ натяжкой можно разсматривать байроническихъ героевъ и Кавказскаго Плѣнника, какъ прототиповъ Онѣгина и Арсенія (какъ и воспроизведеніе героя 20-хъ годовъ по Пушкину и Боратынскому было бы тоже весьма приближеннымъ).

Болѣе сложное развитіе характеристики у Боратынскаго мы найдемъ въ „Наложницѣ“, но и въ „Балѣ“ мы находимъ прагматическое изображеніе, очень отличающееся отъ изображенія характера героя въ „Эдѣ“. О гусарѣ (въ „Эдѣ“) поэтъ говоритъ только—

Взглядовъ живость,
Изъ-подъ фуражки по щекамъ
Два черныхъ локона къ плечамъ,
Віась, бѣгущіе красиво,
Гусарскій щегольской уборъ,—
И безъ рѣчей для дѣвы горь
Все было въ немъ краснорѣчиво—

между тѣмъ какъ характеристикѣ Арсенія поэтъ посвящаетъ гораздо болѣе значительные стихи:

Красой изнѣженной Арсеній
Не привлекалъ къ себѣ очей:
Слѣды мучительныхъ страстей,
Слѣды печальныхъ размышленій

Носилъ онъ на челѣ; въ очахъ
 Безпечность мрачная дышала,
 И не улыбка на устахъ,—
 Усмѣшка праздная блуждала.
 Онъ не задолго посѣщаль
 Края чужіе; тамъ искалъ,
 Какъ слышно было, развлеченья
 И снова родину узрѣлъ;
 Но, видно, сердцу исцѣленья
 Дать не возмогъ чужой предѣлъ...
 Онъ въ разговорѣ поражалъ
 Людей и свѣта знаньемъ рѣдкимъ,
 Глубоко въ сердце проникалъ
 Лукавой шуткой, словомъ ѣдкимъ
 Судилъ разборчиво пѣвца,
 Зналъ цѣну кисти и рѣзца;
 И сколько ни былъ хладно-сжатымъ
 Привычный складъ его рѣчей,
 Казался чувствами богатымъ
 Онъ въ глубинѣ души своей.

И въ теченіе поэмы Боратынскій не разъ возвращался къ своему романтическому герою, поясняя тотъ или иной штрихъ въ его характерѣ. Но какъ Пльнникъ Пушкина унесъ съ собой тайну своего разочарованія и преждевременной старости, такъ намъ неизвѣстны и „мучительныя страсти“, „печальныя размышленія“ и „безпечность мрачная“ Арсенія. Характеръ Арсенія остался недоразвитымъ. Можно догадываться, что мрачность и разочарованность Арсенія были только напускными, только маской, которую Арсеній сбросилъ, когда нашелъ свое счастье въ Ольгѣ—въ „жеманной дѣвчонкѣ“

Со сладкой глупостью въ глазахъ,
 Въ кудряхъ мохнатыхъ, какъ болонка,
 Съ улыбкой сонной на устахъ!..

Поэтъ не отвѣтилъ намъ на загадку, поставленную имъ созданіемъ образа Арсенія, какъ въ свое время не отвѣтилъ на загадку Чацкаго Грибоѣдовъ, можетъ быть потому, что недостаточно еще опредѣлился въ жизни тотъ типъ, который могъ бы служить ясной канвой для созданія поэтического образа, а можетъ быть потому, что, сдѣлавъ большой шагъ въ изображеніи смѣшанныхъ характеровъ, поэтъ не достигъ такого умѣнія и такихъ пріемовъ, какіе мы найдемъ въ его послѣдней

повѣсти—„Наложница“. Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду, что и Арсеній, какъ все другое, служилъ для поэта только обстановкой, только фономъ, на которомъ отъбнялась его главная героиня—княгиня Нина, великосвѣтская Лаиса, натура демоническая и въ то же время несчастное слабое существо, которое не могло перенести измѣны Арсенія, поработившаго воображеніе княгини, представшаго ей „посланникомъ рока“.

И Нина, какъ и Арсеній (передъ которымъ „поникли Адонисы“ и умолкъ „задорный полкъ остряковъ“), является героиней романтической поэмы—исключительной „сильной натурой“, для изображенія которой поэтъ избралъ самыя живоговорящія краски. Импрессионистично самое описание княгини, ея „яркаго глянца черныхъ глазъ, облитыхъ влагой сладострастной“.

Смѣшанные характеры одни естественны—говорилъ поэтъ—и создавалъ образъ плѣнительной, нѣжной, ласковой и въ то же время пламенной, страстной, новой „Меден“, у которой послѣ ревниваго гнѣва катились слезы изъ очей и

Терзая душу, проливали
 Въ нее томленье слезы тѣ...
 Страшись прелестницы опасной,
 Не подходи: обведена
 Волшебнымъ очеркомъ она;
 Кругомъ ея заразы страстной
 Исполненъ воздухъ!..
 Бѣги ее: нѣтъ сердца въ ней!
 Страшись вкрадчивыхъ рѣчей
 Одурѣвающей приманки;
 Влюбленныхъ взглядовъ не лови:
 Въ ней жаръ упившейся Вакханки,
 Горячки жаръ—не жаръ любви.
 Такъ, не сочувствія прямаго
 Могуществомъ увлечена,
 На грудь роскошную она
 Звала счастливца молодаго:
 Онъ пересозданъ былъ на мигъ
 Ея живымъ воображеньемъ;
 Ей своенравный зрѣлся ликъ,
 Она ласкала съ упоеньемъ
 Одно видѣніе свое.
 И гасла вдругъ мечта ее:
 Она вдалась въ обманъ досадный,
 Ея прельститель ей смѣшонъ...

Но „посланникъ рока“ сліялъ „всѣ мысли въ мысль одну“, и, демоническая натура, она не могла не отравиться, не сдержать своего „страшнаго обѣта“, когда эта одна мысль порабощеннаго воображенія была разрушена.

Драматическій элементъ и психологическій реализмъ очень сильны въ повѣсти Боратынскаго, которая и была понята современниками, какъ драма характеровъ, живо списанныхъ съ природы наблюдателемъ-художникомъ. Такое пониманіе повѣсти Боратынскаго должно быть нѣсколько исправлено, но не подлежитъ сомнѣнію, что „Балъ“ съ гораздо большимъ правомъ можетъ быть названъ реалистической повѣстью, чѣмъ „Эда“.

„У меня въ пальцахъ новая ультра-романтическая поэма“, писалъ Боратынскій Кирѣевскому о своей послѣдней повѣсти „Наложница“. И поэма Боратынскаго является дѣйствительно ультра-романтической, понимая подъ этимъ то крайнее направленіе романтизма, которое стремилось къ реализму и натурализму.

„Наложница“ является завершеніемъ пути поэта отъ идеализма къ реализму, и въ ней торжествуютъ тѣ принципы реалистической повѣсти, которые поэтъ высказывалъ въ предисловіи къ своей первой повѣсти „Эда“, и которые широко развилъ въ предисловіи къ „Наложницѣ“. Слѣдя за путемъ развитія въ поэмахъ „Эда“, „Балъ“ и „Наложница“, мы тѣмъ самымъ опредѣляемъ „новую, собственную дорогу“, которую избралъ себѣ Боратынскій въ поэмахъ.

Неудивительно, что Боратынскій со своей „Наложницей“ вышедшей въ свѣтъ въ 1831 году, оказался почти одинокимъ въ современномъ обществѣ, которое было шокировано въ „Наложницѣ“ всѣмъ, начиная съ самаго заглавія повѣсти.

Между тѣмъ „Наложница“, не отличаясь лирической увлекательностью „Эды“ и роскошнымъ импрессионизмомъ „Бала“, въ которомъ еще силенъ лиризмъ, является самымъ совершеннымъ произведеніемъ Боратынскаго въ томъ смыслѣ, что ни въ одномъ изъ произведеній его не проявилось въ такой мѣрѣ разнообразныхъ сторонъ таланта поэта, использовавшаго всѣ свои лирическія и драматическія тональности и языковыя средства. Говорить объ общемъ тонѣ въ „Наложницѣ“ нельзя, но можно выдѣлять господствующій тонъ въ связи съ общимъ фономъ, на которомъ развита поэтомъ драма дѣйствующихъ лицъ.

Уже въ „Балѣ“ и въ „Переселеніи душъ“ мы отмѣчали богатство оттѣнковъ въ стихѣ Боратынскаго и соединеніе высокой поэзіи съ низкою прозою. Подлинно бытовой, жизненной

прозы, житейской „низкой природы“, еще больше въ „Наложницѣ“, въ которой она какъ будто бы и господствуетъ. Вспомнимъ описаніе „буйной орды гулякъ“, когда

шляпу на лобъ
 Надвинувъ, держать предъ собой
 Стаканъ недопитый иной
 И разсуждаетъ: надлежало бъ
 Докончить дѣло!—Недвижимъ,
 Онъ долго простоятъ надъ нимъ.
 Другой предъ зеркаломъ на шею
 Свой галстукъ вяжетъ, но рука
 Его тяжка и неловка:
 Все какъ-то врозь идутъ подъ нею
 Концы проклятаго платка.
 Къ свѣчѣ приставя трубку задомъ,
 Ждетъ третій пасмурный чудакъ,
 Когда закурится табакъ.
 Лихія шутки сыплютъ градомъ;—
 Но полно: вонъ валить кабакъ...
 Вотъ опрокинутые стулья;
 Табачный пепель тутъ и тамъ;
 Ряды стакановъ по столамъ
 Съ остатками задорной влаги;
 Тарелки жирныя кругомъ...

Но живопись „Наложницы“ гораздо богаче Фламандской школы пестраго сора, и сейчасъ же послѣ описанія слѣдовъ ночного пированья, послѣ „кабака“ и „жирныхъ тарелокъ“, поэтъ рисуеъ такую картину, представившуюся Елецкому:

Предъ нимъ, свѣтло озарена
 Наставшимъ утромъ, ото сна
 Москва торжественно вставала.
 Подъ раннею лазурной мглой,
 Блестящей влагой блескъ дневной
 Рѣка мѣстами отражала;
 Аркада длиннаго моста
 Бѣлѣла ярко. Чуденъ, пышенъ,
 Московскихъ зданій красота,
 Надъ всѣми зданьями возвышенъ
 Огнемъ востока Кремль алѣлъ.
 Зажгли лучи его живые

Соборовъ главы золотыя;
 Межъ нимъ царственно горѣлъ
 Иванъ Великой. Садъ красивой,
 Кругомъ твердыни горделивой
 Віяся, живо зеленѣлъ.

Сопоставленіе этихъ двухъ отрывковъ достаточно уже говоритъ о богатствѣ оттѣнковъ въ краскахъ „Наложницы“, но тональное богатство „Наложницы“ далеко не исчерпывается указаннымъ различіемъ. Не будемъ приводить длинныхъ выписокъ изъ повѣсти, но укажемъ на присутствіе такихъ стиховъ, которые своимъ лиризмомъ выдають родство „Наложницы“ съ „Эдой“: написавъ яркими красками гулянье подъ Новинскимъ и встрѣчу Елецкаго съ Вѣрой, поэтъ говоритъ:

Какъ бодрость въ путника ночнаго,
 На небѣ утреннемъ горя,
 Вливаетъ алая заря,—
 Такъ точно, жизнью обновленной,
 Страстями долго омраченной,
 Душѣ егодохнулъ тогда
 Румянецъ нѣжнаго стыда.
 Овъ къ милой думой умиленной
 Летитъ...

Такое же разнообразіе находимъ мы и въ отдѣльных картинахъ „Наложницы“, разнообразіе и особенную выпуклость, контурность, и красочность, встрѣченную нами уже въ „Балѣ“. Картины „Наложницы“ отличаются отъ картинъ „Баба“ еще большимъ разнообразіемъ и драматическимъ движеніемъ.

Такова картина ожиданія гостей Елецкимъ—

Невнятнымъ стукомъ пораженъ
 Кареты дальней, вспыхнетъ духомъ,
 Вскочивъ къ окну, приникнетъ ухомъ:
 Они!.. Неправда! Стихнулъ гулъ
 Иль въ переулокъ повернулъ.
 Вотъ, наконецъ, предъ самымъ домомъ
 Карета покатила съ громомъ;
 Затряся, зазвенѣлъ весь домъ,—
 И тишина тотчасъ потомъ.

Таковы картины гулянья подъ Новинскимъ, осени на Прѣсенскихъ прудахъ, маскарада, ночи, въ которую пришла Вѣра

для побѣга съ Елецкимъ... Въ этихъ отрывкахъ картины отличаются не только зрительной, отчетливой видимостью, но и слуховой картинностью, что болѣе всего и способствуетъ передачѣ движенія въ быстрой смѣнѣ картинъ.

Замѣтимъ, что въ приведенномъ нами отрывкѣ—9 стихахъ—переданы нѣсколько быстро смѣняющихся картинъ, при чемъ для усиленія слуховой картинности, поэтъ прибѣгаетъ къ аллитераціямъ, ассонансамъ и къ звукоподражанію („Стихнулъ гулъ иль въ переулочъ повернулъ“, „Затрясса, зазвенѣлъ весь домъ“, „какета покатила съ громомъ“).

Въ 1830 году Боратынскій написалъ драму, которая не дошла до насъ, но первый опытъ въ драматическомъ родѣ оказалъ несомнѣнное вліяніе на развитіе драматическаго хода повѣсти и драматической формы—діалога, которымъ поэтъ пользуется гораздо болѣе широко, чѣмъ въ прежнихъ своихъ повѣстяхъ.

Діалогъ въ „Наложницѣ“ стоитъ особенно высоко въ томъ отношеніи, что каждое дѣйствующее лицо говоритъ особеннымъ, свойственнымъ его характеру языкомъ, и эта наглядность, объясняемая реалистическими тенденціями, способствуетъ большей яркости характеристики героевъ повѣсти. Особенно замѣчательнъ въ этомъ отношеніи языкъ цыганки—наложницы Елецкаго. Въ то время, какъ Эда, простая финка, разговаривала съ гусаромъ высокимъ лирическимъ языкомъ, но безличнымъ, цыганка говоритъ такимъ языкомъ:

Какъ я бы выла, да рыдала...
 Ты разлюбилъ,—я все любила;
 Ты гналъ безжалостно меня,—
 Къ тебѣ я, злобному, ласкалась,
 Какъ собаченка. Разсмотри
 Меня получше: говори,
 Такая-ль я тебѣ досталась?—
 Глаза потухнули отъ слезъ,
 Лице завяло, грудь изсохла;
 Я только, только что не сдохла!..

Особенно выразительны психологически-убѣдительныя заклинанія цыганки, полныя паѳоса дикаго человѣка, глубоко вѣрящаго въ магію чудодѣйственнаго напитка и въ магію словъ заклинанія:

Я знаю, что въ тебѣ творится.
 Въ душѣ мятущейся твоей

Я чуднымъ чудомъ оживаю:
 Разлучницы проклятой въ ней
 Бѣсовскій образъ погашаю.
 Блѣднѣешь ты... Не мудрена
 Измѣна мнѣ, а ей страшна!
 Будь ей теперь моя судьбина!
 Томись она, крушись она!
 Съ тоски изсохни, какъ лучина!
 Умри она! Ты мой: приди,
 Прижмись опять къ моей груди!..

Конечно, этотъ реалистическій языкъ прошелъ черезъ художественную шлифовку поэта и его эстетическое воспріятіе (и въ этомъ смыслѣ не можетъ считаться подлинно реалистическимъ, точной копіей), но отъ этого пріобрѣлъ еще большую убѣдительность и убѣдительность *художественную*.

Особеннымъ, своимъ языкомъ говорятъ и Елецкій, красно-рѣчиво убѣждающій и какъ бы гипнотизирующій Вѣру, и Вѣра. Наименьшей яркостью отличается языкъ Вѣры, но блѣдностью отличается и самый образъ романтической дѣвушки, созданный Боратынскимъ. Образъ Вѣры, можетъ быть, потому и менѣе удался поэту, что онъ менѣе привлекалъ вниманіе поэта, сосредоточившагося на драмѣ Елецкаго и цыганки Сары. Вѣра играетъ такую же второстепенную роль, какую играла въ „Балѣ“ Ольга, о которой только упоминалось въ повѣсти, но въ „Наложницѣ“ Боратынскій болѣе развилъ это второстепенное лицо и тѣмъ самымъ не только оживилъ свою повѣсть, но и многое уяснилъ въ характерѣ и въ дѣйствіяхъ своего главнаго героя (оттого, можетъ быть, Арсеній въ „Балѣ“ и не доразсказанъ, что поэтъ ничего не сказалъ намъ объ Ольгѣ, игравшей такую важную роль въ жизни Арсенія).

Образъ романтической московской дѣвушки имѣетъ родственное съ женскими образами, созданными Пушкинымъ, но мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобы говорить о вліяніи того или иного Пушкинскаго образа на Вѣру, и, кажется, не только осторожно, но и основательнѣе говорить объ общихъ источникахъ жизни, изъ матеріала которой создавали поэты свои образы, тѣмъ болѣе, что у Пушкина и Боратынскаго мы не найдемъ (рѣчь идетъ только о Вѣрѣ) формальныхъ совпаденій.

Въ общихъ чертахъ главные герои „Наложницы“—Елецкій и Сара—напоминаютъ героевъ „Бала“—Арсенія и княгиню. Елецкій и Арсеній носятъ на себѣ слѣды печальныхъ размы-

пленій и, недюжинныя натуры, порываютъ связь съ обществомъ, изъ котораго они выдѣляются головой (тема романтической поэмы); сосредоточенность и мрачность такія же основныя черты ихъ внѣшняго облика, какъ у Сары и княгини общая основная стихія, порабощающая ихъ и сливающая всѣ мысли ихъ въ мысль одну—страстность демоническаго характера, толкающая ихъ на преступленіе. Сравненіе героевъ „Бала“ и „Наложницы“ и драматической интриги можетъ итти дальше: внѣшне холодныя, мрачныя, съ преждевременно убитой душой, и Арсеній, и Елецкій „въ глубинѣ своей души“ были богаты чувствами и, среди своихъ порочныхъ заблужденій, таили въ себѣ возможность духовнаго возрожденія и просвѣтленія души. Такъ была задумана первоначально и „Эда“, въ которой по первоначальной редакціи (дошедшей до насъ только въ отрывкахъ), нравственно возрожденный чистой любовью Эды, спѣшитъ къ ней съ тѣмъ, чтобы начать новую жизнь...

Смѣшанный характеръ Елецкаго, провозглашеннаго со всѣхъ сторонъ „чудовищемъ“, составился изъ свѣта и тѣней, и, рѣшительный глава буяновъ и повѣсь,

среди пороковъ,
 Кицѣвшихъ роемъ вокругъ него,
 И ядовитыхъ ихъ уроковъ,
 И омраченья своею,
 Въ души сберегъ онъ чувства пламя.

Главнымъ омраченіемъ души Арсенія и Елецкаго была страстность, представшая имъ въ образѣ княгини Нины и цыганки Сары. Искупительной жертвой, очистительной жертвой отъ омраченія души является чистая любовь Ольги (въ „Балѣ“) и Вѣры (въ „Наложницѣ“). Въ драмѣ демонической героини повѣсти „Балѣ“ Нина погибаетъ отъ своей страстности; драма же Арсенія не доразсказана и превращается въ идиллію. Въ „Наложницѣ“ мы имѣемъ три драмы: драму Елецкаго, заплатившаго жизнью за свой союзъ съ демонической страстью, драму жертвы—Вѣры, вызвавшей къ возрожденію омраченную душу Елецкаго, и драму страстной цыганки, павшей жертвой своей исключительной и преступной любви. Не будемъ касаться вопроса о томъ, насколько психологически обоснованы всѣ трагическіе исходы драмъ, высказавъ только предположеніе, что судьей своихъ героевъ является художникъ-моралистъ, которому было необходимо провести въ своей повѣсти идею возмездія, но отмѣтимъ эту идею возмездія, присутствующую

и въ „Балѣ“ и въ „Наложницѣ“—въ повѣстяхъ, имѣющихъ между собою много точекъ соприкосновенія. И въ „Балѣ“ и въ „Наложницѣ“ ангелъ борется съ діаволомъ, и полемъ ихъ сраженія является человѣческая душа, состоящая изъ свѣта и тѣни, изъ порочныхъ и чистыхъ побужденій. Въ связи съ такой психологической задачей, поставленной себѣ поэтомъ (о чемъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ повѣсти), находится и развитіе характеровъ „Наложницы“, изъ которыхъ наибольшей яркостью отличается цыганка Сара и наибольшей сложностью, обусловленной психологическимъ заданіемъ,—Елецкій; и по одному этому приходится говорить о самостоятельномъ, индивидуальномъ развитіи характеровъ у Боратынскаго. Между тѣмъ современная критика нашла сходство у Елецкаго съ Онѣгинымъ, и въ своей „Антикритикѣ“ Боратынскій долженъ былъ защищаться и говорить, что „Онѣгинъ человѣкъ разочарованный, пресыщенный; Елецкій страстный, романтическій. Онѣгинъ отжилъ, Елецкій только начинаетъ жить. Онѣгинъ скучаетъ отъ пустоты сердца; онъ думаетъ, что ничто уже не можетъ занять его; Елецкій скучаетъ отъ недостатка сердечной пищи, а не отъ невозможности чувствовать: онъ еще исполненъ надеждъ, онъ еще вѣритъ въ счастье и его домогается. „Онѣгинъ неподвиженъ, Елецкій дѣйствуетъ“, какое же между ними сходство?“—спрашиваетъ поэтъ. И при всемъ видимомъ несходствѣ Елецкаго и Онѣгина, между ними можно установить родство еще въ большей степени, чѣмъ между Онѣгинымъ и Арсеніемъ: это родство значительнѣе, потому что общее у Елецкаго и Онѣгина заключается не только въ общихъ условіяхъ воспитанія и въ нѣкоторыхъ общихъ чертахъ, зависящихъ отъ условій вѣка, продуктами котораго они являлись, но и въ способахъ, пріемахъ характеристики—родство, обращающее на себя вниманіе и въ тѣхъ случаяхъ, когда поэты говорятъ о разныхъ сторонахъ характеровъ своихъ героев.

Вспомнимъ начало II-й главы „Наложницы“:

Отца и матери Елецкой
 Лишился въ годы тѣ, когда
 Обыкновенно жизни свѣтской
 Намъ наступаетъ череда.
 Въ нее вступилъ онъ и сначала
 Являлся въ вечеръ на три бала;
 Съ визитной карточкой порой
 Летѣлъ на выѣздъ городской.

Согласно съ общимъ заведенъемъ,
 Къ дядямъ и къ теткамъ съ поздравленьемъ
 И въ Рождество, и въ Новый годъ
 Скакалъ съ прихода на приходъ...
 Но волей полной насладиться
 Алкалъ безумецъ молодой,
 И вскорѣ началъ онъ томиться
 Предѣловъ свѣтскихъ тѣснотой.
 Ему въ гостиныхъ стало душно:
 Ему досадно и смѣшно
 Въ нихъ показалось одно,
 Другое глупо, третье скучно.
 Изъ нихъ Елецкой мой исчезъ...
 Одушевленъ въ рѣчахъ своихъ
 Враждою къ мнимымъ предразсудкамъ,
 Подвергнулъ дерзновеннымъ шуткамъ
 Онъ все святое для другихъ...
 И отъ людей благоразумныхъ
 Чудовищемъ со всѣхъ сторонъ
 Елецкой былъ провозглашенъ.
 Съ Москвой и Русью онъ разстался,
 Края чужіе посѣтилъ;
 Тамъ промотался, проигрался
 И въ путь обратный поспѣшилъ.
 Своимъ пенатамъ возвращенный,
 Всему рѣшительнымъ вѣнцомъ,
 Цыганку взялъ къ себѣ онъ въ домъ,
 И, общимъ мнѣньемъ пораженный,
 Самъ рушилъ онъ, надъ нимъ смѣясь,
 Со свѣгомъ остальную связь.

Изъ этой характеристики „страстнаго“ Елецкаго можно заключить, что его связь съ цыганкой является въ большей степени вызовомъ свѣту, чѣмъ потребностью „страстнаго“ сердца; точно также можно оспаривать, что препятствіемъ для Онѣгина является „невозможность чувствовать“. Боратынскій говоритъ, что Елецкой скучаетъ „отъ недостатка сердечной пищи“, но не отъ того же ли недостатка скучаетъ и Онѣгинъ, которому, какъ и Елецкому, стало душно въ гостиныхъ и одно показалось „смѣшно и досадно“, „другое глупо, третье скучно“, и который, не найдя себѣ сердечной пищи, сознательно охладился и не давалъ „привычкѣ милой ходу...“

Нельзя преувеличивать вліянія Пушкина на оригинальное и независимое дарованіе Боратынскаго, но нельзя и вовсе игнорировать Пушкина при изученіи творчества Боратынскаго, тѣмъ болѣе, что различіе въ сходномъ говоритъ объ индивидуальных особенностяхъ, а сходство въ различномъ часто устанавливаетъ не только взаимную связь, но и (чаще) зависимость отъ литературныхъ традицій и условій жизни, современной имъ.

Мы прослѣдили путь Боратынскаго въ его повѣстяхъ, путь романтической—отъ идеализма къ реализму, который является уже торжествующимъ въ послѣдней и наиболѣе сложной повѣсти—въ „Наложницѣ“, при чемъ попутно отмѣчали, что „новая, собственная дорога“, въ которой сказалась вся независимость таланта Боратынскаго, часто сходилась съ дорогами современной поэту литературы и не была вовсе отрѣшена отъ современности. Реалистическая повѣсть Боратынскаго (по существу значительно отличающаяся отъ его лирики) явилась результатомъ того сложнаго романтическаго развитія, какое мы находимъ въ русской литературѣ Александровскаго и Николаевскаго времени; и все отличіе Боратынскаго отъ современныхъ ему литературныхъ теченій заключается въ томъ, что онъ какъ бы опережалъ свой литературный вѣкъ и въ то же время не порывалъ рѣзко связей съ литературными традиціями. Этимъ въ большой степени обусловленъ малый успѣхъ поэмъ Боратынскаго: въ то время, когда возникала и постепенно развивалась реалистическая повѣсть Боратынскаго, реалистическія тенденціи въ общемъ были чужды „большинству“ читателей и критиковъ; въ то же время, когда реалистическая повѣсть получила полное признаніе, повѣсти Боратынскаго, тѣсно связанныя съ современной романтикой и идеалистическо-лирическими приѣмами, отошли уже въ область прошлаго и стали анахронизмомъ. О поэмахъ Боратынскаго и значительной роли ихъ въ поступательномъ движеніи русской литературы забыли не только ближайшіе, но и далекіе потомки, почти вовсе игнорировавшіе замѣчательныя не только для своего времени поэмы Боратынскаго.

М. Л. Гофманъ.

